

Татьяна Алексеева

Рига, Латвия

К ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ЛАТВИИ

История евреев в Латвии, и особенно ее юго-западной части, имеет многовековые корни. Частично она была сохранена пинкасами, содержание которых дошло до наших дней в трудах Р. Й. Вундербара и Л. Овчинского. Накопление и изучение источниковедческой базы ранней истории евреев Латвии, отложившейся в архивах госструктур Латвии, началось, как известно, лишь с начала XX в. Перед Первой мировой войной в С.-Петербурге вышел в свет многотомный труд «Регесты и надписи. Свод материалов по истории евреев России». Третий том этого издания (СПб., 1913) содержит публикации отдельных документов по рассматриваемой нами теме.

Более подробная подборка материалов, касающихся евреев Латвии, содержится, однако, в трехтомном сборнике документов, изданных в 1910—1912 гг. в Риге отделением *Общества для распространения просвещения между евреями в России под редакцией энтузиаста местной истории, врача по специальности Исаака Иоффе. Как и следует из названия — *“Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland”* («Реестры и документы к истории евреев в Риге и Курляндии»), главенствующее место в подборке материалов занимает Рига, документы же по истории евреев Курляндии (не говоря уже о других исторических провинциях Латвии), по выражению составителей, представлены недостаточно и фрагментарно¹. Таким образом, выпадают огромные информационные пласты ранней истории евреев Латвии, которые по ряду причин просто не могли попасть в поле зрения составителей сборника. Так, например, документы по истории евреев Пильтенского округа, первичного места поселения евреев на территории Латвии, представлены минимально². Следует, однако, иметь в виду, что древнейшая часть документов Пильтенского округа, восходящая еще ко времени существования Курляндского епископства (т.е. времени, с которым связывают укоренение евреев в этом регионе³) и по сей день хранится в архиве Копенгагена⁴. Более поздние документы как самостоятельная единица с 1903 г. оказались включенными в состав Курляндского земского архива, доступ к которому был ограничен для лиц недворянского происхождения⁵.

В качестве одной из главных побудительных причин формирования этого особого типа закрытого архива историк Теодор Зейдс называет стремление прибалтийско-немецкого дворянства сохранить свой контроль над наиболее важными архивными документами⁶. В 1919 г. этот комплекс документов был незаконно вывезен в Германию, откуда его удалось вернуть лишь в 1971 г. После возвращения Курляндский земельный архив был присоединен к фондам Латвийского государственного исторического архива (в основном к ф. 554 — «Архив курляндских герцогов»). Таким образом, целый пласт ценнейших документов, касающихся всех сторон жизни герцогства Курляндского и Семигальского (далее — Курляндское герцогство) долгое время практически не изучался историками Латвии и содержит достаточно еще много не введенных в научный оборот документов, в том числе и по ранней истории евреев Латвии.

Из всей массы документов Курляндского земского архива, насчитывавшего в начале XX в. около 30 000 документов, Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА) в процессе научно-технической обработки в конце 80-х гг. XX в. сформировал две папки (ф. 554, оп. 3), в названии которых указана еврейская тема. В дополнение к делам по еврейской тематике из описи 1 (кстати, тоже мало известных исследователям, поскольку эта часть архива с 1909 г. находилась в С.-Петербурге и была возвращена в Латвию в 1929 г.)⁷ всего фонд «Архив курляндских герцогов» хранит шесть в некоторых случаях довольно объемистых папок документов XVII—XVIII вв., в той или

иной мере касающихся истории евреев Латвии. Краткий обзор их содержания дает в своем исследовании немецкий историк Маркус Либль⁸.

Этим, однако, еврейская тема в фонде ЛГИА «Архив курляндских герцогов» не исчерпывается. Часто документы по еврейской истории содержатся внутри архивного дела, в заголовке которого это не отражено, и каждая такая находка является и большой удачей, и маленьким открытием одновременно.

В качестве примера хотелось бы поделиться информацией об обнаруженных недавно записях в сборниках герцогских резолюций конца XVII в. Речь идет о массивных рукописных книгах в аутентичных кожаных переплетах XVII столетия. По содержанию эти сборники содержат краткие резолюции и распоряжения герцогов по текущим вопросам хозяйственно-экономической жизни Курляндского герцогства, а также копии его распоряжений должностным лицам.

Среди ответов на жалобы с мест за январь 1696 г. удалось обнаружить распоряжение, адресованное фогту (войту) Либавского (лиепайского) побережья Захарию Даниэлю (*Zacharias Daniel, Strandfogt zur Libau*)⁹. Должность фогта (войта) побережья со времени герцога Якова (1642—1682) являлась очень значимой в государстве, так как этот герцогский чиновник ведал сбором торговых пошлин на, выражаясь современным языком, таможне герцогства, принося государству большой денежный доход. Как теперь выясняется, должность чиновника, выполнявшего столь важную для государства функцию, в XVII в. в Курляндском герцогстве мог занимать еврей. Национальность Захарию Даниэля в тексте герцогского распоряжения в его адрес не указана. Совершенно неожиданно она проявляется в другом источнике — письме его родственника Исаака Вульфа к герцогу от 2 января 1700 г., где он ретроспективно описывает свою и Захарию Даниэля деятельность на Либавской таможне, приводя это как основание для своей нынешней (т.е. датированной 1700 г.) просьбы о предоставлении ему статуса *придворного еврея¹⁰.

Имя Исаака Вульфа, в отличие от имени Захарию Даниэля, известно в прибалтийско-немецкой историографии. В периодическом издании по истории прибалтийской геральдики за 1909—1910 гг. он упомянут как торговый фактор герцога Фридриха Казимира (1696 г.)¹¹, имевший личный герб. Помимо изображения, герб содержит также надпись на еврейском языке «Исаак бен Вульф», кстати, опущенную в сборнике недворянских и гражданских гербов 1931 г.¹² В сборнике дана несколько иная модификация герба с указанием фамилии Исаак (*Isaak*). Скорее всего, в данном случае речь идет не о личном гербе Исаака Вульфа 1696 г. а о родовом гербе его наследников (В алфавитном указателе герб дан с пометкой «еврейский» (*jüdisch*). Одновременно, кстати, с такой же пометкой обнаружен герб другой древней курляндской фамилии Ойхель (*Euchel*).

Однако, если возвратиться к книге герцогских резолюций XVII в., то можно обнаружить и резолюции, обращенные к самому Исааку Вульфу. Примером может служить распоряжение герцога от 29 ноября 1696 г. (указание герцога разобратся по поводу поступающих на таможню жалоб)¹³ и др.

Захария Даниэль и Исаак Вульф не единственные еврейские имена, сохраненные данным источником. Герцогская резолюция от 17 декабря 1696 г. обращена к человеку по имени Гирш Израэль (*Hirsch Israel*)¹⁴, который, как можно заключить из текста, был смотрителем герцогской таможни под Митавой (Елгавой). На последнего поступила жалоба митавского бургомистра, утверждавшего, что часть подвод, следующих с товаром в Ригу (и из Риги), идет в обход таможни, переправляясь через реку у некоей корчмы. В тексте резолюции герцог дает Гиршу Израэлю конкретное указание, как в дальнейшем «избежать всяких необоснованных жалоб»¹⁵.

Тон записей в книге герцогских резолюций деловой и уважительно нейтральный по отношению ко всем упомянутым там лицам.

Краткие записи книги резолюций в своей предельной насыщенности деталями и именами вызывают к жизни уже ставшее хрестоматийным понятие «реалий повседневности», восходящее к французской исторической школе «Анналов», и дают реальное включение в конкретику жизни Курляндского герцогства конца XVII в.

При одновременном прочтении этого источника, скажем, с уже хорошо известным широкому кругу читателей трудом Менделя Бобе, получается неожиданный результат конкретизации реальных, но до этого совершенно обезличенных событий. Так, М. Бобе, говоря об описываемом времени, упоминает, что в конце XVII в. герцог Фидрих Казимир сдает акцизы на откуп евреям, что вызывает протест дворян как извечных противников сильной герцогской власти, о чем свидетельствует решение ландтага 1698 г.¹⁶

Действительно, из книги герцогских резолюций видно, что к 1698 г. немногочисленным, но все же имевшим место жалобам на служебные упущения в работе служивших при герцогском акцизе евреев, в том числе на Захарию Даниэля, дается ход¹⁷, и к сентябрю 1698 г. он был отстранен от службы¹⁸. В резолюции от 12 сентября 1698 г. он упомянут уже как «бывший войт Либавского побережья» (*“der gewesene Libauische Strandfogt”*)¹⁹. Дальнейшую службу Захарию Даниэля проследить пока не удалось.

Исаак Вульф в 1700 г. перебрался на время в Мемель (Клайпеду), где стал специализироваться на торговле серебряными и золотыми изделиями, продолжая, однако, считать Курляндию основным полем своей деятельности²⁰.

Обнаруженные документы, позволяя погрузиться в конкретику событий Курляндского герцогства конца XVII в., все же более важны в плане постановки проблемы, поскольку полученная картина тем не менее страдает логическими пробелами. Решение ландтага 1698 г., протестующее против того, что акцизы сдаются на откуп евреям, относится явно к людям типа уже упомянутого Гирша Израэля²¹. В случае с Захарией Даниэлем мы имеем дело с абсолютно иным положением дел, поскольку этот человек занимал довольно высокий пост в чиновничьей иерархии Курляндского герцогства и был герцогским служащим. Можно предположить, что Захария был крещеным евреем, оставшимся органичной составной частью еврейской среды и управлявшим фогтией Либавского побережья в 90-х гг. XVII в., используя помощь и деловой опыт своего ближайшего еврейского окружения, как об этом пишет его родственник (*Schwager* — букв. «шурин», или муж сестры) Исаак Вульф.

Думается, что дальнейшее изучение архивных материалов ЛГИА внесет ясность в этот и другие вопросы, позволит сделать новые интересные находки, которые обогатят историю Латвии XVII—XVIII вв. новыми интересными фактами.

Известно, что даже несколько предвзято относящиеся к данной теме латышские историки первое появление и укоренение евреев на территории Латвии связывают с серединой XVI в.²², что скорее всего соответствует действительности. Отсутствие конкретных фактов по истории евреев в Латвии на тот период времени и позднее (приведенные выше записи в книге герцогских резолюций — по существу одни из первых, свидетельствующих о включении евреев в «структуры повседневности» юго-западной части территории Латвии времен Курляндского герцогства) говорит лишь о малой изученности архивного материала и о не сделанных до сих пор интересных находках, которые возможны даже при отсутствии прямого фондообразователя и вплетены в ткань фактов повседневной жизни, отложившихся во многих фондах ЛГИА за рассматриваемый период, а возможно, также в архивах сопредельных государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland / Hrsg. durchges. J. Joffe. Riga, 1910. L. 1. (Einleitung).

² Ibid. L. II. Nr. 179—198, 246; L. III. Nr. 299, 313, 356, 370.

- ³ *Wunderbar R.* Geschichte der Juden in den Provinzen Liv- und Kurland seit ihrer frühesten Niederlassung daselbst bis auf die gegenwärtige Zeit. Mitau, 1853. S. 26.
- ⁴ *Zeids T.* Senākie rakstītie Latvijas vēstures avoti. R., 1992. 122. lpp.
- ⁵ Ibid. 47. lpp.
- ⁶ Ibid. 122. lpp.
- ⁷ Центральный государственный исторический архив ЛатвССР: Крат. справ. Рига, 1980. С. 14.
- ⁸ *Liebl M.* Die jüdische Minderheit im baltischen Herzogtum von Kurland und Semgallen (1561—1795): Dissertationsarbeit im Fach Geschichte an der Philosophischen Fakultät der Universität Potsdam. 2004. S. XLVII.
- ⁹ ЛГИА, ф. 554, оп. 3, д. 452, л. 68.
- ¹⁰ Там же, д. 396, л. 4—5.
- ¹¹ Jahrbuch für Genealogie Heraldik und Sphragistik, 1909—1910. Mitau, 1913. S. 355.
- ¹² Beitrag zur Baltischen Wappenkunde. Riga, 1931.
- ¹³ ЛГИА, ф. 554, оп. 3, д. 452, 170 об.
- ¹⁴ Там же, л. 178.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Бобе М.* Евреи в Латвии / Пер. с идиша Л. Герман. Рига, 2006. С. 34.
- ¹⁷ ЛГИА, ф. 554, оп. 3, д. 453, л. 18—18 об.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, д. 396, л. 4—5.
- ²¹ Там же, д. 453, л. 178.
- ²² Напр.: *Juškēvičs J.* Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē. R., 1931. 414. lpp.; *Berķis A. V.* The reign of Duke James in Courland, 1638—1682. Lincoln, [1960]. P. 100.